

Сюй Яньци впервые оказался в подобном положении. И все же, уступив настойчивой просьбе девушки, он взял из ее рук черный маркер и вывел свое имя там, где она просила — бережно, черточка за черточкой.

Иероглифы в его имени были сложными, со множеством черт. Пока другие расписывались привычным, заранее отрепетированным росчерком — взмах пера, и готово, — Яньци выводил каждую линию неторопливо и сосредоточенно. Со стороны могло показаться, будто он подписывает важный государственный договор.

Глянцевый черный след расплылся на белоснежном подоле рубашки, и Яньци невольно нахмурился. Первая мысль была донельзя прозаичной: «Испортил вещь. Отстирается ли теперь?»

Понять подобный жест он искренне не мог: зачем портить хорошую, чистую одежду?

Надев колпачок на маркер, Сюй Яньци протянул его владелице.

Та бережно сжала его в пальцах, не скрывая восторга, но изо всех сил стараясь держать себя в руках. Она еще раз благоговейно посмотрела на свежую роспись.

Ей явно хотелось сказать что-то еще, но, натолкнувшись на предельную серьезность Сюй Яньци, она робко проглотила готовые сорваться с губ слова, поспешно пролепетала «спасибо» и попятилась назад.

Однако первый шаг был сделан, и плотину прорвало. К Сюй Яньци потянулись люди — и парни, и девушки. Многие осмеливались просить о совместном фото. Но из-за того, что Яньци выводил автографы с дотошностью каллиграфа, у его коллег толпа быстро рассасывалась, а перед ним самим выросла настоящая очередь.

Стоя в этой очереди, некоторые изнывали от скуки и, словно азартные коллекционеры, бегали за росписями к другим участникам группы. Неожиданно благодаря этой суматохе повезло и Ци Мо — возле него наконец-то закружили очаровательные поклонницы.

Впрочем, народу в центральном районе было немного, да и не у каждого прохожего их появление вызывало интерес. Стихийная фан-встреча быстро сошла на нет.

Едва Сюй Яньци вывел последнюю точку, их экскурсия наконец-то началась по-настоящему.

Впрочем, никакого жесткого расписания не предполагалось: разбиваться ли на пары или гулять в одиночку — каждый решал сам, исходя из собственных капризов.

Сюй Яньци и Ци Мо, оказавшись в хвосте компании, побрели рядом. Они не договаривались об этом заранее, но вышло так само собой, без лишних слов.

Искусственный ландшафт и городская суета Сюй Яньци не трогали. Он шел скорее из вежливости, готовый составить компанию своему спутнику, не навязывая бесед, но и не нагоняя тоску.

Ци Мо, похоже, разделял этот настрой. Его взгляд безучастно скользил по витринам и фасадам зданий, не выражая ни малейшего интереса.

Но, кажется, сама планета занимала его куда меньше, чем прошлое его спутника. Сделав буквально пару шагов, Ци Мо негромко спросил:

— По этой самой земле под нашими ногами вы ведь уже когда-то ходили, Учитель Сюй?

И то верно: прежде чем дикая планета превратится во что-то пригодное для жизни, испытатели исходят ее вдоль и поперек, измерив собственными шагами каждый метр.

Вопрос прозвучал неожиданно. Сюй Яньци удивленно скользнул взглядом по лицу Ци Мо и заметил, что тот успел зацепить солнцезащитные очки за воротник рубашки. «И когда только успел снять?» — мелькнуло в голове.

Яньци слишком часто видел Ци Мо на экранах и в жизни, чтобы не подметить одну его забавную повадку: певец всегда снимал очки, стоило какому-то предмету или теме искренне увлечь его.

Хотя, возможно, это было лишь совпадением. Иначе почему Ци Мо до сих пор не носился от лавки к лавке с таким же диким восторгом, как остальные?

Страхнув с себя эти мысли, Сюй Яньци огляделся по сторонам и с легким сомнением отозвался:

— Возможно.

Ци Мо негромко рассмеялся, и в уголках его глаз проступили мягкие смешинки:

— Все застроили так, что от дикого края ничего не осталось. Наверное, и не узнать прежних мест?

Сюй Яньци слегка поджал губы и коротко кивнул:

— Да, пожалуй.

— И все же это возвращение туда, где вы когда-то были первопроходцем, — Ци Мо не сбавлял

шагу, слегка повернувшись к нему корпусом и то и дело заглядывая в лицо. — Учитель Сюй, если не секрет... что вы чувствуете сейчас?

Тот не спешил с ответом. Уставившись под ноги, он сосредоточенно копался в собственных мыслях, пытаясь нащупать эти самые чувства.

Да никаких чувств толком и не было. В отличие от коллег, разинувших рты при виде местных чудес урбанизации, и даже в отличие от загадочного Ци Мо, Яньци ощущал лишь глубокое, ровное спокойствие.

Его внутренний мир напоминал высохшее лесное озеро: брось туда хоть булыжник — ни всплеска, ни единой ряби на потрескавшейся глине.

— Какие чувства?.. — едва слышно повторил Сюй Яньци.

Видимо, за последние дни он слишком привык к обращению «Учитель Сюй». Студент Ци задал вопрос, и теперь Яньци, пусть даже у него закипят мозги, просто обязан был выдать достойный ответ. Иначе какой из него учитель?

Поразмыслив еще немного, он наконец выдал:

— Чуждость? — И, заглянув Ци Мо в глаза, неуверенно спросил: — Подходит под описание?

Посмотрев в его чистые, предельно серьезные глаза, Ци Мо тут же отвел взгляд. Он изо всех сил закусил губу, чтобы не рассмеяться в голос, и поспешно, преувеличенно серьезно кивнул.

Ну надо же, спросил на свою голову. И снова они вернулись к тому, с чего начали.

Ци Мо тихо фыркнул, уставившись себе под ноги, но плечи его мелко задрожали от беззвучного смеха. Он украдкой взглянул на Яньци — тот по-прежнему шел с непоколебимо строгим видом, отчего улыбка певца расползлась еще шире.

«В своем репертуаре. Серьезный до невозможности. И жутко милый».

Городок оказался совсем крошечным. Они обошли все лавки и магазинчики еще до того, как стрелка часов приблизилась к ужину. Как и договаривались, к назначенному часу все стянулись к парковке, где их уже поджидал Ли Юйцзин. Убедившись, что никто не потерялся, секретарь Ли отвез уставшую компанию в отель.

Здесь им предстояло и поужинать, и переночевать.

Едва переступив порог ресторанный зала и заведя массивный круглый стол с вращающейся стеклянной подставкой в центре, гости мгновенно почувствовали дежавю — точно такие же столы они сотни раз видели на Земле во время затяжных официальных банкетов.

Но стоило им внутренне сгруппироваться, готовясь к изнурительным застольным ритуалам, как выяснилось, что черт далеко не так страшен, как его малюют.

Планета ZG004 пока лишь обживалась. Местное население состояло в основном из переселенцев — предприимчивых дельцов, которые прилетели сюда осваивать девственные рынки, соблазнившись щедрыми государственными субсидиями.

В отличие от кочующих торговцев, чиновники местной администрации осели здесь всерьез и надолго. Круглый год они варились в собственном соку, ежедневно созерцая одни и те же примелькавшиеся лица.

В таком тесном кругу, где каждый знал каждого как облупленного, пафосные банкеты ради «налаживания связей» выглядели бы просто нелепо.

Без привычки к светской фальши здешние госслужащие со временем растеряли весь лоск и разучились толкать витиеватые речи.

Руководство постарше еще могло выдать пару дежурных фраз благодаря богатому опыту, а вот их подчиненные лишь смущенно бубнили:

— Ну, приятного аппетита. Угощайтесь.

После чего разом опрокидывали рюмку до дна, без лишних слов доказывая свое гостеприимство делом.

Стоило крепкому алкоголю согреть кровь, как натянутость улетучилась сама собой, стирая барьеры даже между самыми нелюдимыми гостями.

Ближе к ночи застолье переросло в дружеские похлопывания по плечу. Кое-кто из изрядно захмелевших хозяев, заплетаясь языком, уже вовсю планировал грандиозную следующую встречу.

Прощание затянулось: гости то и дело останавливались в дверях, чтобы перекинуться еще парой слов. К счастью, до постелей было рукой подать — стоило лишь подняться на лифте.

Заботливый губернатор Оу Вэнь распорядился снять для них два просторных люкса и один

стандартный номер, чтобы гостям было проще приглядывать друг за другом.

Проводив делегацию до нужного этажа и раздав электронные ключи, Оу Вэнь убедился, что пара человек еще твердо стоит на ногах, и со спокойной душой отбыл восвояси.

Однако в коридоре, едва за хозяевами закрылись двери лифта, оставшиеся столкнулись с дилеммой: как распределить спальные места?

С девушками все решилось мгновенно: троица оккупировала первый люкс. А вот как разместить пятерых мужчин — оставалось загадкой.

Ван Синьдун и Сун Бинь приняли на грудь изрядно. И хотя они держались на ногах, было бы здорово, если бы им самим не потребовалась нянька.

Ли Чжэ, сославшись на железную армейскую дисциплину, не притронулся к спиртному. Однако вешать на угрюмого вояку заботу о хмельных товарищах казалось затеей весьма сомнительной.

Пока все озадаченно переглядывались, тишину нарушил Ци Мо:

— Я почти не пил, так что могу присмотреть за Учителем Сюй. Поселимся вместе.

На банкете Ци Мо держался с таким неприступным и ледяным видом, что подходить к нему с рюмкой решались лишь самые отчаянные. В итоге хрупкая Вэнь Сяоцзюнь выпила едва ли не больше него. Настоящей же проблемой, заставившей всех зайти в тупик, был Сюй Яньци.

Никто и подумать не мог, что у него настолько слабая сопротивляемость хмелю.

По пути из ресторана Яньци не проронил ни слова. Он шел ровно, четко держался общего строя и не подавал никаких признаков опьянения.

Однако едва они поднялись на этаж и попрощались со встречающей стороной, Ли Чжэ спросил его, с кем бы он хотел разбить номер. И Яньци на полном серьезе выдал:

— С Суаньни.

Только тогда присутствующие присмотрелись к нему повнимательнее. Веки Яньци, как всегда, были сонно припущены, но взгляд под ними блуждал где-то в глубоком космосе, напрочь лишенный фокуса.

Сомнений не осталось: парень был в стельку пьян.

И ладно бы он просто захмелел, но его поведение удивляло еще больше. Яньци не буянил, не шумел, послушно кивал и без запинки отвечал на любые вопросы... вот только ответы эти были абсолютно невпопад.

Спросишь его, с кем он хочет спать в комнате, а он отвечает: «С кораблем».

Но вишенкой на торте стал Ли Чжэ. Трезвый как стеклышко заместитель командира зачем-то на полном серьезе задумался над его словами и выдал:

— Вообще, вариант рабочий, только боюсь, нам не найдут номер такого размера, чтобы затащить туда «Суаньни».

Именно поэтому оставлять невменяемого Яньци под опекой альтернативно мыслящего Ли Чжэ никто не рискнул.

Спасением стал Ци Мо. Пусть он и пригубил пару бокалов за ужином, на фоне армейского сухаря Ли Чжэ его кандидатура выглядела верхом благоразумия.

На этом дебаты закрыли.

Ли Чжэ, протягивая ключ-карту, попытался было проявить остатки служебного рвения и уточнить у Яньци его мнение, но, натолкнувшись на абсолютно стеклянный взгляд испытателя, решил побереечь воздух.

Разобрав ключи, те, кто сохранил ясность ума, растащили своих нетрезвых подопечных по номерам.

Едва дверь за ними захлопнулась, Ци Мо обернулся и посмотрел на притихшего Яньци, который послушной тенью стоял у порога. В груди певца внезапно шевельнулось странное, щемящее волнение, заставившее его судорожно сглотнуть.

Острые, безукоризненно правильные черты лица Ци Мо таили в себе безусловную мужскую притягательность, в которой не было и намека на смазливость.

А его четко очерченный кадык преданные фанатки из года в год стабильно признавали самой соблазнительной частью его тела.

Возможно, сказывалась вокальная природа его голоса, но эта деталь у Ци Мо и впрямь выглядела на редкость эстетично.

Сейчас этот кадык отчетливо дернулся. Движение вышло настолько резким, что в повисшей тишине номера звук сдавленного глотка прозвучал так отчетливо, словно раздался над самым

ухом Яньци.

Сюй Яньци, несмотря на туман в голове, не оглох. Уловив этот тихий звук, он заторможенно перевел взгляд на Ци Мо.

Под этим расфокусированным, но пристальным взглядом кадык певца дернулся еще раз.

Теперь Яньци не просто расслышал движение, но и зафиксировал его взглядом.

Заинтригованный, он сделал нетвердый шаг вперед, вплотную приближаясь к шее Ци Мо. Его обжигающий взгляд, казалось, физически покалывал кожу певца, отчего тот судорожно сглотнул снова и снова.

Но как бы сильно ни разбирало Яньци хмельное любопытство, он не позволял себе ничего лишнего, лишь молча разглядывая шею своего спутника.

Сейчас он напоминал примерного первоклассника — тихого, послушного мальчика, который без спроса никогда не протянет руку к чужому портфелю.

И вся неловкость, сковавшая Ци Мо секундой ранее, мгновенно испарилась. На душе стало тепло и удивительно легко, а сердце готово было растаять от нежности.

Это щемящее чувство горячим приливом разошлось по венам, окрашивая взгляд Ци Мо в небывалые, мягкие полутона.

— Учитель Сюй, уже поздно. Пора спать, хорошо? — Ци Мо заговорил так тихо и ласково, словно убаюкивал ребенка.

В хмельной голове Сюй Яньци шестеренки крутились со скрипом. Он замер, пытаясь переварить услышанное.

Он наморщил лоб, сию секунду сосредоточиться, упрямо мотнул головой и заплетающимся языком буркнул:

— Не хочу.